

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.1

Философия и власть. Часть II: Аппретура власти

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Классические геополитические дихотомии теллуократия – талассократия, хартленд – римленд дополняются альтернативной бедленд – гудленд, фиксирующей в первой части цивилизационную разупорядоченность, во второй части – ее противоположность (цивилизационную продвинутость). Обогащение цивилизационистики, глобалистики новой когнитивной парой оптимизирует философское геостратегическое моделирование современных реалий под углом зрения контрастного территориального районирования, предопределяющего блокообразование, складывание принципиальных отношений соперничества и союзничества. В языке социофилософской прогностики оцениваются возможности капитальных альянсов: гудленд contra внешних (маргиналы аллохтоны) и внутренних («маргиналы»-автохтоны) контрагентов; выясняются перспективы глобального всеединства.

Ключевые слова: *державное самоопределение, бедленд, гудленд, блокообразовании.*

Интонация вселенского вызова сквозит в понимании: контрапункт жизни образует реальность: текущее существование оплачивается тем, чего мы безвозвратно лишаемся.

Ломаются природные основы бытия, разрушается естественная среда обитания; усиливается совокупная патогенность мира в отношении возрастания конфликтности

- перенаселенных – неперенаселенных стран;
- освоенных – неосвоенных территорий;
- ресурсно обеспеченных – необеспеченных регионов;
- технологически развитых – неразвитых государств;
- коммуникационно консолидированных – неконсолидированных анклавов.

Вхождение человечества в дефицитную зону всемирной организации в предельно широком философском представлении означает обострение классических противоречий пространства – времени, природы – культуры, географии – истории. Сверхценности дефицитного жизнепространства – комфортные для проживания участки поверхности Земли, не переработанная вовсе историей география.

Борьба вокруг нее составит стержневой момент переформатирования планетарной ситуации – в первую голову – блокообразования, отношений соперничества, союзничества. Не классовые (Маркс), не идеологические (Мангейм), не конфессиональные (Хантингтон) пикировки будут в центре цивилизационных разломов. Ими будут относительно разреженные, некультивированные жизненные пространства. Силовые противоборства между нациями-государствами расположатся поблизости от них. Это и будут потенциально горячие точки мира.

Общеизвестные геополитические дихотомии теллуократия – талассократия; хартленд – римленд терминологически, эвристически уместно дополнить дихотомией бедленд (badland) –

гудленд (goodland). Новообразованная лексическая пара в максимально широкой семантике передает отношение перспективного соответствия: между точками двух множеств (бедленд – гудленд) устанавливается взаимно однозначное соответствие, осуществляемое с помощью конкретных видов соотношения (проецирования) для введения не родственных, но контрастных видоопределений.

Назначение альтернативы, следовательно, – оттенить богатую палитру неоднородности социальной реальности.

Сцепка бедленд – гудленд не покрывается привычным контуром территориального районирования: непригодные-пригодные для земледелия, неудобные-удобные для коммуникации (пространственного перемещения) ареалы; ее задача – провести идею мультивалента: комплексного районирования, аттестующего политико-социо-культурное состояние, кинетику общественных зон с позиций непригодности-пригодности (отлаженности) обмена деятельностью, неудобности-удобности (совершенности) коммуникативного (общение) антуража.

Сцепка бедленд – гудленд – не географическая, но историко-географическая, фиксирует в первой части дихотомии цивилизационную разупорядоченность – аномию, образовательную, технологическую, поведенческую отсталость, ценностную замкнутость (автаркия, сепаратизм, трайбализм); во второй части дихотомии – ее противоположность: цивилизационная продвинутость – законосообразие, правооснащенность, образовательная, технологическая, поведенческая развитость, консолидированность, ценностная открытость (консенсуальность, толерантность).

При желании использовать наиболее абстрактную и фундаментальную схему рассуждений оправдано руководствоваться образом топологического многообразия. Бедленд – гудленд – вариация замкнутых множеств, включающих все близкие (относительно проведенных уточнений) точки, подпадающие под замыкание. Переход из одного замкнутого множества в другое, нарушающий отношение замыкания, есть флуктуация, имеющая цивилизационный эквивалент – политико-социо-культурная сецессия, дезагрегация и физический аналог – квантование, дискретизация пространственного единства. Такому явлению (выходу из ряда) корреспондирует автономизация, анклавизация плотно сбитых, неинтегрированных в общесоциальные жизневоспроизводственные процессы агрессивно заявляющих свои интересы деструктивных малых групп – этнически, террористически, религиозно, расово, гендерно экстремистски настроенных сообществ, не берущих ответственность за человеческое саморазвитие.

Однозначная маркировка бедленд – негативный цивилизационизм, афелий прогрессивного роста, точно воронка, втягивающая в себя дефекты неодаренного божескими добродетелями дикого развития, описываемого языком *chaos studies*.

Бегство от культурной истории, антицивилизационизм проявляется в многообразных давно и полно скомпрометировавших себя формах. Здесь – востребующие не поступка, но бунта, с «печатью отверженности» нарушающие крупномасштабную изотропию социальной Вселенной феномены: реванш колоний над метрополиями; накат аллохтонной волны; просачивание, укоренение этнических нелегалов; концентраты дезинтеграции в маргинальных гетто (мигранты, гастарбайтеры Юга в мегаполисах Севера) и др.

Альтернатива «бедленд – гудленд», сближаясь с альтернативой «цивилизационизм – антицивилизационизм», семантизируется в лексике столкновения стилей жизни, способов жизнеобеспечения, исторического действия.

Камертон нашего времени – интенция бедленд разрушить, поглотить, перераспределить созданные гудленд богатства посредством изощенного арсенала средств

- цивилизационной ренты (встраивание в патронажные программы, бонусы);
- криминального захвата (в широком смысле слова – пиратство, рейдерство, силовое давление, оккупация, отторжение);
- террористических актов (нападения, взрывы, взятие заложников, подпольная деятельность, торговля органами);
- анархистских движений (от «черных пантер» до «жизнь черных значит»);
- деградиционализации конфессий (Аум Сенрике, «бог» Кузя);
- вооруженных атак, разрушений, разграблений культурного достояния человечества (ИГИЛ, Хезболла, Хизбут-Тахрир и т.п.).

И многого другого из плотско осязаемых технологий социальной дисгармонизации, разбалансировки слаженного ритма вершения истории.

На арену выходит вирулентная контрпродуктивная, контркультурная наступательная неигровая стихия, влекомая жизненно опасными фикциями. В порядке фактуального оправдания тезиса возьмем в расчет очевидные диспозиции.

Европейский Запад испытывает мощный пресс пришельцев с Магриба, Центральной Африки, Ближнего, Среднего Востока (Германия, Франция, Испания, Великобритания, Греция, Италия), Латинской Америки (Португалия, Нидерланды). На атлантистский Запад давят выходцы с Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, островов Тихого океана, Латинской Америки, Карибов. Российский Запад прессингуют переселенцы с Дальнего Востока, Центральной Азии, Закавказья.

Аллохтоны, этнические нелегалы, маргиналы, – грозная, отчаянная, неуступчивая сила, от которой не отмахнуться, которую – не послать далеко и надолго. Указанная сила требует немедленной купирующей team effort реакции.

По взятым трем точкам давления на контур гудленд просматриваются типологические репрезентативные осложнения, а с ними – необходимость преобразовать проблему в задачу сохранить, поддержать цивилизацию перед опасностью ее поглощения гигантским антицивилизационным цунами.

Захребетники, погромщики, авантюристы, анархисты – посев из зева бедленд, – какой контрфорс гудленд встречает нашествие орд стрикулистов на их бесшабашном пути?

В наше интригующее время причудливого переплетения здравого смысла и идеологии, рациональности и мифа пытливая ищущая мысль черпает вдохновение в собственной самостоятельности – способности выполнять возможные сценарии перспективного развития с учетом основополагающих структурообразующих тенденций.

Руководствуясь тем, что «завтра» должно быть лучше, ибо «сегодня» невозможно, философское (футурологическое, геостратегическое) моделирование дает приближенное правдоподобное описание явлений социально-политического мира в языке аутентичной символики. Гносеологическими особенностями его оказываются

- интеллектуальное движение в посессиве: оценка событий в кондициалисе – возможных мирах;
- комбинирование корреляционными зависимостями, могущими не иметь строго выраженного функционального статуса;
- ставка на экстраполирование – обзор связей за пределами их области определения;

– отыскание экстремумов функционалов (переменных полифункциональных величин).

Столь специфическая познавательная оснастка, как ни странно, добывается проникновением в сущность осваиваемого предмета (ср.: математическое моделирование), выступает мощным методом прогнозирования событий с целью оптимального управления ими.

Итак: задача – как, чем рассеивать грозно нависшие над гудленд – культуроемкими аренами человечности – тяжелые серые тучи хаоса, неразберихи, проявления насилия, провокационного поведения? Возможности ее решения, прямо скажем, невелики; покрываются более или менее правдоподобными сценариями; без риторических общих мест – это:

1. Отказ от модели стабильного экономического роста (ЭР), сближающейся с ней моделью устойчивого развития (УР) (неограниченного наращивания благополучия). Вхождение в дефицитную зону существования с повышенной конфликтностью дезавуирует наивную утопическую веру в построение светлого будущего.

Окончательно рушатся ресурсно необеспеченные фантазмагии коммунизма с количественно необсчитываемыми хилиазмами «Богатства польются полным потоком», «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям» (не лишне удовлетворить любопытство – каким именно?). Подобная же участь постигает и более умеренные макросоциологические прожекты – без, так сказать, возделенного «фойе с буфетом», но с той же убежденностью вхождения в заветный терминальный «золотой век» (капитализма?); «государство всеобщего благосостояния».

Понимание призрачности (сопровождающего пору детской жизни и незрелой мысли) ощущения достигнутого счастья (взять хоть аншлаги оригинальных работ Фурье «Всемирная гармония», «Теория всемирного единства», «Новый хозяйственный социетальный мир») взыскует наполнения реализмом провидение дней грядущих. Здесь чудеса (которые возникают, когда всем жертвуется ради мечты) кончаются; сочувствие практически безвыходному положению исчерпывается едва не единственной вариацией – социального пессимизма: переход на нулевой или даже отрицательный рост: режим строжайшей экономии во внутренней политике; режим изоляции во внешней политике – дискриминация, сегрегация, резервация бедленд (в разной сетке координат – развивающиеся страны, государства III мира, державы Юга).

2. Культивация креативной реальности – гибридной полионтичной среды обитания – переводом хозяйствования на природоподобие задействованием потенциала NBYCS (nano-, bio-, info-, cogno-, socio продуктивных технологий). Фундамент ожидаемого цивилизационного рывка образуют

- «зеленая революция» (экологизм);
- возобновляемые источники энергии, космическая энергетика (от обновляемой планетарной к звездной, межзвездной, галактической, вселенской базе);
- самосборка – неведомый прошлому тип предметного морфогенеза с отказом от вертикальной (иерархической) и применением горизонтальной (распределяемой сетевой) организации;
- интеграция – консолидация потоков материальных, духовных богатств за счет разукрупнения транс- и супернациональных единств (ЕС, НАФТА, ОПЕК и т.д.);
- интеллектуализация обмена деятельностью (упразднение неквалифицированного, живого труда);

- расширение гражданского общества как резервуара потенциальной самоорганизации [4].

Мечты о «морях и кораллах», подвешенные было технико-технологические иллюзии ЭР, УР, находят неожиданное удостоверение в стратегии дальней отдачи от трудного интенсивного роста в створе культурно-, природоподобно выстроенного прогресса, соответствуют вариации социального оптимизма.

Так как полнота логического деления родового множества выделением видовых подмножеств достигнута, формально обеспечен путь оценки самоопределения (в отношении обозначенных вариаций) власти, переводящей возможность в действительность соединением актуальности и потенциальности в результативном, но ангажированном (ориентированном на политические интересы) практическом действии.

Поскольку этюды на шахматной доске «разобраны», сядем за карточный стол и примемся за раскладывание пасьянса. Получим распределения в виде описаний значений релевантных политических величин (вне количественной оценки степени вероятности и качественной оценки этической состоятельности) [5].

(а) Альянс гудленд contra бедленд с эскалацией диссонансов, диспаратетов миропорядка. Оперативный привод – репрессалии вплоть до искусственного регулирования (вспомним Мальтуса) численности популяции («естественным» механизмом пандемии).

(в) Тот же альянс с применением более щадящей упорядочивающей стратегии изоляции (резервации). Речь – о воплощении вводимой еще Марком Аврелием техники обустройства лимесов – буферных зон, кордонных полос-тампонов на пути варваров (в транскрипции наших дней – маргиналов, нелегалов, цивилизационного плебса, люмпена, отребья, социального дна, у которого нет Отечества, и кинетика которого представляет угрозу интернационального масштаба) [6]. Неприглушенное оправдание мысли – откровенное наступление демократий гудленда на либеральные ценности, права человека (свобода передвижения, поддержка диссидентов) – ужесточение законодательства в части иммиграционной политики (блокирующие демарши ЕС, Трампа), транзит напряжения на ближние подступы (субсидии Турции за прием беженцев).

(с) Альянс властных элит contra не маргиналов-аллохтонов, но собственных «маргиналов»-автохтонов. В качестве одиозных предвестий – все санкционированные руководящими кругами (напрашивается: мировой «закулисой») беспардонные откровения «героев» первого плана – Гейтса, Грефа по части перепрограммирования антропосоциальной эволюции за счет точечного воздействия на соматику, геномику enhancement technologies, открывающих простор выпуску «правильных» людей с «нужной группой крови» (читай: характера, мысли).

Как будет протекать жизнь на «других» – подготовленных берегах и будет ли она протекать там вообще – покажет будущее; настоящее же пока заявляет утрату лояльности властей собственным народам, о чем – красноречивые эпопеи «желтых жилетов», Портленда, протестные выступления в Гонконге, Хабаровске, Ливане, Башкирии, антиправительственные шествия в Белоруссии, Израиле, Болгарии, массовые акции в Боливии, погромы в Кеноши и т.д.

Все явственнее правительства действуют как эзотерические герметичные клики, приглашающие публику поучаствовать в осуществлении каких-то своих замыслов. С просматриваемым креном в неприкрытый бестиализм, – по принципам Тиберия: *oderit, dum probent*; Калигулы: *oderint, dum metuant* (заимствования у Акция).

(d) Всечеловечность (всеединство). Метафизические предтечи проекта (вне и помимо онтологических коннотаций – досократики, неоплатоники, христианские мистики, пантеисты и др.) консолидации человечества по «духу и истине» – «гуманистическая эсхатология» (Лессинг); «священный союз всемирного дружества» (Новиков); «художественное христианство» с призывом «любить друг друга» (Сен-Симон); «третья эра» (Конт); «соборность» (Хомяков), «все-ленская теократия» (Соловьев); «творческий альтруизм» (Сорокин); «царство шудр» (Вивекананда); «религия духа» (Радхакришна).

Политическая версия его (проекта) – «мировое государство» – социальная утопия Соловьева (о которой предстоятель западного христианства высказал: «прекрасная идея, но нужно только чудо... чтобы она осуществилась»); «единый мир» – убогие воспаленные бредни недоумков «нового мышления» (ср. Достоевский: «Вся эта заграница – только одна фантазия»).

От неудач экуменизма до всплеска национализма (сепаратистские мотивы политики стран-членов ЕС в борьбе с Covid-19), т.е. совершенно противное полагаемому, – именно такова особенность политической текстуры а l'ordre du jour.

Комбинации (a-d) – добротный семантический, операциональный фон востребуемой систематики, калибровки, бонитировки исполнений и поползновений – гарнитуры власти.

Проявляющиеся меты перспективных общественных значений реальных потенциалов – вне ощущений «особой правды» – образуют панораму кооперации-конфронтации международной и властно-государственной повестки дня.

Займемся калькуляцией.

I эпицентр (a): конгрегации в силовом, ценностном поле фаворитизма гудленд. Аналитико-прогностическая процедура стопорится содержательной недоуточненностью базового концепта; в зависимости от того, как прореживать лес от ненужных предметов, возникают разные исходы.

(1) Макет «панъевропеизм»; геостратегические сценографии:

- а) Abendland – дискриминирующая восточно-европейцев эгоистическая идея западно-европейской ассоциации (романо-германское ядро) – от Адриатики до Балтики по ломаной между Триестом и Данцигом (Штеттином) (Ламанский);
- б) усеченная континентальная ассоциация от Средиземноморья до Черноморско-Балтийской конфликтной зоны (ЧБКЗ) (материковой перемычки) – без Великобритании, США, России (Сюлли, Бриан, Куденхове-Калерги, Савицкий);
- в) консолидированная Европа от Атлантики до Урала (де Голль);
- г) трансконтинентальная ось – от Дублина до Владивостока (Тириар); «общеевропейский дом» – от Атлантики до Тихого океана (трубадуры «перестройки»).

Немногословные серьезные оценки макета (1) вытекают из общего (совсем недавно отчетливо выраженного и Макроном) ощущения неуклонной деградации европеизма по линиям

- сырьевое оскудение;
- утрата исторической, духовной, культурной общности народов, сходства их социального, политического, ментального строя;
- психологическая неудовлетворенность «староевропейцев» необходимостью содержать «новоевропейцев».

Фундаментальная самонедостаточность европеизма проявляется в обреченности на сотрудничество с Россией, США (контрагенты силы, могущества, богатства), Китаем (торговый контрагент).

Скрытая идиосинкразия по данному поводу получает реальное выражение в обострении антагонизмов с мировыми супердержавами, проявляющемся во введении санкций (Россия), ведении торговых войн (США, Китай), подрыве союзничества (США).

Исход а) – сбрасывание экономического (отсталость), политического (неконструктивность) балласта ввиду дискордантности (в силу объективной неустойчивости лимитрофной природы) осложняющего настройку аутентичных дел европейских. Актуализируется в условиях хозяйственного спада (невозможность субсидирования), углубления культурно-ценностных диссонансов с ростом протестных движений («антиевропейская» образовательная, законодательная, информационная, гуманитарная тактика Венгрии, Польши, Балтии и др.).

Исход б) – фактическая изоляция России запечатанием ее по узкой предъевропейской горловине (ЧБКЗ) укреплением кордона по линии Болгария – Румыния – (Украина) – Польша – Балтия. Актуализируется в условиях нагнетания антироссийских настроений (апологии) интенсификацией восточно-европейской экспансии США – дальнейшее расширение НАТО на восток (технологии). (При существенном факторе сдерживания – нехватки необходимых средств, обслуживающих амбициозные – крайне затратные – цели.)

Унифицируемый исход в), г) – отображает глубинное недовольство ЕС сложившимся униполярным балансом могущества, не поддающимся коррективке без российского участия. Актуализируется в условиях выстраивания новой конфигурации отношений ЕС – Россия на началах генерального партнерства, сотрудничества.

(2) Макет «атлантизм»; геостратегические сценографии:

- а) Рах Americana, консервация глобального неравенства, сдерживание социальной эволюции держав со стратегией форсированной модернизации; американская гегемония в постиндустриальной (по содержанию), униполярной (по форме) современности.
- б) Перераспределение глобального величия посредством блока панъевропеизм-атлантизм с упрочением мирового вестерна (contra России, Китая, планетарной социальной периферии).
- в) Блок США – Россия (contra ЕС, Китая) соединением континентальных громад супердержав туннелем под Беринговым проливом.

Исход а) – в политике, как в этике, физике, трудно поддерживать исключительность (привилегированность) систем отсчета. Монополия в виде претензий первенствовать затратна, ущербна; с ней везде, всегда борются. Если измерять действующие причины степенью жизненного значения, достойными внимания окажутся две группы факторов.

Одна – реальная тенденция диверсификации могущества с обособлением в мир-системе сопряженных сфер влияния; таковы – Трилатераль: американский, европейский, тихоокеанский центры силы с региональными лидерами; квадруполь: США – Россия – ЕС – Китай с теми же функциями.

Другая – дегенерация атлантизма заходом в турбулентную фазу собственного развития с дезорганизирующим влиянием (в режиме с обострением) таких стимулов, как крах финансовики, обвал доллара (при соответствующем солидарном поведении ЕС, России, Китая), углубление расовой коллизии, сбой в работе «плавильного котла», выправление асимметрии по логистике – сырьевым, информационным потокам [6, 7], сбивающим получение сверхвыгод.

Исход б) – вассальная зависимость мир-системы от вестерна под стягами «The West against the Rest». Сказочное убранство лоббируемой вестерном либерально-рыночной демократии не может быть панацеей, что вытекает из несправедливого обслуживания рыночно-потребительской цивилизации («золотого миллиарда») мировым сообществом.

Питающая вестерн эгоистическая практика разделения человечества на «Запад» и «Всех остальных» утрачивает кредитоспособность при взятии в расчет двух капитальных обстоятельств

- сырьевых тупиков турбокапитализма;
- роста антизападной международной коалиции «The Rest against the West», использующей эффективные рычаги давления на G-world от терроризма, фундаментализма, национализма, расизма до ядерного шантажа (КНДР, Иран), сшибки этнических диаспор (столкновение магрибской – кавказской группировок во Франции).

Исход в) – абстрактная возможность, обретающая плоть действительности потенциальным ущемлением национальных интересов США, России ростом экономического, финансового могущества ЕС, материализацией планов мировой гегемонии Поднебесной, расширяющей сферы влияния экономической, финансовой, торговой, территориальной, информационной экспансией.

II эпицентр (в): конгрегация в силовом, ценностном поле автономизации гудленд. Историческая реплика магистрали – обеспечение подведомственных, подконтрольных рубежей устройством бастионов – огораживание, валы, засеки, линии, стены, лимесы – Великая Китайская стена, стены Адриана, Антонина Пия, линии Мажино, Зигфрида, Маннергейма, «вал» Порошенко – Яценюка.

(I) Макет «вестерн» в редакции: мегапроект «единый Запад» – панъевропеизм + атлантизм (См.: I (2) б)). В части «апология» – руководство преимущественно западного образа жизни; в части «технология» – право распоряжаться судьбой народов попранием их исторической, государственной, культурной идентичности под оправдывающей метафорой: Запад – средоточие «прогресса, демократии, добра». Геостратегические сценографии:

- а) поход на Россию. Комбинация элементов военной, политической, хозяйственной, идеологической мощи Запада традиционно имеет антироссийскую направленность безотносительно порядку внутренней гражданской организации. Не важно, какой в России строй (монархия, советы, демократия) – важно ее державное величие. Несокрушимая, как скала, Россия, – вот критерий опасности; великой России не должно быть, – вот девиз и программа. Последнее намечает преимущественный и нечестный последовательный ход взаимодействия Запада с Россией на принципах противостояния, противодействия, противоборства. От торговых блокад в средневековье (линия папства, Ганзы на запрет товарообмена) до миссионерства (экспансия Ватикана на каноническую православную территорию), попыток установить вассалитет (линия Фридриха III), горячей войны (курс Drang nach osten – ливонское, тевтонское, польско-литовское, наполеоновское нашествия, I, II мировые войны), холодной войны (III мировая война), планов сокращения населения (рекомендации Тэтчер, Меджора), общемирового вторжения (линия Рейгана – фронтальная борьба с «империей зла»).
- б) Поход на Китай. Дискриминация, дискредитация Поднебесной – активного, устойчивого, сильного, дееспособного геостратегического конкурента – тотальным введением

в состояние паузы – развязыванием торговых войн, учреждением недобросовестной конкуренции, давления по всем азимутам державной реализации – от внешнего до гуманитарного строительства.

- в) Поход на III мир (развивающиеся страны, державы Юга). Разыгрывание «мандата неба» сортировкой цивилизационного материала на лидеров – аутсайдеров, центр – периферию с обособлением интегрируемой с ядром – центром полупериферией – обслуживающих «золотой миллиард» стран-концентратов выведенного производства (те же «азиатские тигры» – НИС).

Отношение к мегапроекту «панвестерн» исчерпывается вариантами

- конфронтация: непримиримая борьба, единящая в своих рядах пестрые слои профессиональных революционеров, новых левых, социальных радикалов, фундаменталистов, террористов;
- автаркия: «железный занавес» – политика КНДР, Ирана;
- конкуренция: преодоление вестерна – политика цивилизационного броска, модернизационного форсажа агентов пула стран запаздывающего развития;
- координация: сосуществование фиксацией сфер ответственности, зон влияния;
- конвергенция: уподобление Западу (перестройка национальных геномов по лекалам «открытого общества»).

Исход а) – контактные и бесконтактные противостояния Запада России демпфируются – милитаризацией России (весеннее 2018 г. бодряще-отрезвляющее ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию); диверсификацией центров силы наличной мир-системы; инициацией мировой антизападной коалиции за справедливый вселенский порядок; усилением геостратегического партнерства с КНР, ось «Россия – Китай» – перспективная антигегемонистская возможность, лишаящая неоправданных империалистических иллюзий.

Исход б) – опрометчивая затея, учитывающая набор эндогенных и экзогенных параметров в структуре ответного действия.

В кругу первых – опасная перенаселенность, недостаток жизнеподдерживающих ресурсов (дефицит воды, в случае сбивки климатических циклов и ритмов – нехватка продовольствия), зависимость от иностранных инвестиций, поставок сырья. При активации данных моментов (последовательно-параллельно) неизбежно вхождение в кризис, находящий очевидное разрешение в цепочке компенсирующих претензий на передел мира.

В кругу вторых – наличие на «белом» Западе «желтого» инфильтрата (иррадиированный «china town»), способного – по ситуации – неоднозначно блокироваться с инородным этно-мафиозным материалом с разбалансированием традиционно ценимого Западом спокойного, умиротворенного строя интеракции. Готов ли благоустроенный панвестерн сознательно ввергать себя в переживание замятни, тургесценции, всеобщего смутного, булгачного времени? – вопрос, скорее всего, риторический.

Исход в) – перерастающая в глобальную угрозу универсальная проблема – отсталость. Отстаивать собственное достоинство в мир-системе цивилизационному Югу мешает неразвитость, неконкурентоспособность, целенаправленно консервируемая Севером. Разворачивается откровенное наступление последнего на первый, получающее техническую маркировку «новый империализм» (Малиновский).

Нестандартная реакция бедленд на поработительный поход гудленд – демографический сброс – надвигание аллохтонов, реванш колоний над метрополиями.

Цивилизационная боль, которую предстоит в одиночку перенести гудленд – интуссусцепция цветного абсорбирующего социальный неустрой гетто. (По некоторым обсчетам – с точностью до темпов наличной динамики – к 2025–2030 гг. население благополучных мегаполисов гудленд на 25–40% будет состоять из этнических нелегалов, не рекрутированных в образ жизни большой социальности, фронтально противостоящих ему, – не допускающие компромиссов импульсивные эскапады аллохтонных диаспор во Франции, Нидерландах, Германии и др.) Орудие ее купирования – свертывание демократии, усиление этатизма, политический сдвиг вправо (Франция, ФРГ, Австрия) вплоть до экстерриторизации властных центров (проект Роддса: «единое мировое правительство» – глобальная «закулиса»?). С чрезвычайными полномочиями: транснационализация правового порядка, насилия; стандартизация жизни; уничтожение культурного разнообразия; унификация образовательного, гуманитарного саморазвития; выхолащивание этнических корней; жесткий демографический контроль; организация резерватов; стимуляция локальной конфликтности в прозябающих (с уровнем душевого дохода максимум 2.5 дол. в день) консерватах.

(2) Макет «российская империя» в редакции: мегапроект «российский цивилизационный космос», «русский мир». Трудно удержаться от разыгрывания сакраментальной карты специфического самостийного призвания, назначения, самоосуществления России в ландшафтном слое мессианско-миссианской особенности.

На опасность «особости» в персональном плане указывала Цветаева в душещипательной «Повести о Сонечке»; на опасность «особости» в державном плане указывает весь наш многострадальный опыт.

Не входя в разбор «невроза особости» [9], подчеркнем присутствие в национальном социокультурном генофонде штампов

- государственная автаркия – идея собственного пути [1, с. 17];
- общечеловеческое спасение – идея «всемирного боления за всех» [3, с. 376].

Пристрастие к панели «собственное спасенье» означает изоляцию не сомнительных компаньонов по цивилизации, но самоизоляции. С потенциальными небесспорными проявлениями качеств «русской души», генерализируемыми вопросами: почему в самом деле влачит нищее существование русский мужик, владеющий «на великих просторах своих таким богатством, которое и не снилось европейскому мужику» [2, с. 108]; в силу чего «русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад» [2, с. 149].

Пристрастие к панели «всеобщее спасенье» в свете логики освоения сюжетной сферы означает россиизацию цивилизации через империализацию.

Дилемма: спасение Отечества – спасение человечества...

Высказываясь суммарно и по существу, с позиций геостратегической прагматики, обе части дилеммы легковесны: в условиях складывания взаимосвязанного, взаимообусловленного многополярного мира – интернациональной жизнеспособной идентичности

- линия обособления, идущая вразрез с генеральными закономерностями кооперации – от производства до потребления, от ассимиляции продуктов природы до ассимиляции продуктов культуры, – не реалистична;
- линия поглощения, также идущая вразрез с генеральными тенденциями диверсификации могущества (См.: I (2); II (1)) – не реалистична не менее.

Англия завоевала полмира без плана – «в припадке рассеянности» [17, с. 6], но вынуждена сдать плоды завоевания по сосредоточению – и завоевателей, и завоеванных. Имперский

национальный мегапроект несбыточен ввиду объективно упрочившейся стратегии народов на аутентичное – ненаведенное – развитие; не оставляющему шансов на успех активнейшему противодействию буквально всех агентов международной жизни по всем сторонам горизонта. То немногое, на что в перспективе (с обретением дополнительной мощи в случае вхождения в повышательную фазу державного прогресса) может претендовать Россия – восстановление усеченного территориального контура империи в границах СНГ. Даже не СССР, о чем открыто – Путин: «Кто вспоминает Советский Союз без теплоты, у того нет сердца. Кто ратует за воссоздание сейчас Советского Союза, у того нет разума». (Радикальный сценарий возрождения российского имперского величия при катастрофических планетарных пертурбациях – активизация вулканической деятельности кратера в Йеллоустоун – США, затопление части Европейской территории вследствие поднятия уровня Мирового океана, превращения Сибири в мировую житницу – не обсуждается.)

(3) Макет «Поднебесная» в редакции: мегапроект «китаизация мира». Обсуждаемая – далеко не абстрактная возможность – никак не проходит по разряду «дремотный лепет»; относиться к ней с величайшей внимательностью обязывают отзывающиеся опасностью вещи, способные впечатлить любых скептиков.

В современном Китае (с поправкой на эпидемическую обстановку) внушительное число бедняков (16.6 млн), безработных (9.5 млн), спад производства, снижение темпов роста, затрудняющий развитие активный санкционный прессинг. Замкнутая коллизия имеет шансы стать разомкнутой.

Глобальными центрами сдерживания оказываются Россия и США, в державном контуре которых идет интенсивное укоренение нелегальных мигрантов. (Применительно к России дело осложняется культивацией в общественном сознании деструктивного комплекса «несправедливость»: малочисленная Россия стяжает 17 млн км² суши, тогда как перенаселенный Китай 9.6 млн км². Согласно логике восстановления справедливости, следует отсечь от западного партнера сибирские территории, ограничив его юрисдикцию Предуральем. В духе открытого аннексионизма выполняется учебная литература, ведется преподавание, нацеленные на формирование конфронтационной повестки.) (Ср. с постановкой образовательного дела на Украине, позволившей отравить сознание части единого народа и тем самым подготовить и оправдать антироссийский курс.)

Моделирование грядущего наводит на комбинации

- разгрузка государственного попечения интернациональными поддерживающими программами (поставка воды, продовольствия, кредитование, переселение);
- компенсирующий альянс-демпфер «Россия – США», сдерживающий брошенные вызовы, отводящий объявленные угрозы.

III эпицентр (с): конгрегация в силовом, ценностном поле элитизм гудленд. Пробегающая популистские оболванивания в духе «каждая кухарка...», подвергнем оценке набирающую популярность в верхах дискриминационную парадигму власти, согласно которой – в духе Моска [16, с. 78] – есть управляющие и управляемые – субъекты и объекты, ведущие и ведомые.

Одни стяжают монополию на власть, обладают преимуществом доступа к благам; другие подвержены произвольному принудительному подчинению, дозированному обеспечению жизнеспособностью.

Со всей цинично-вульгарной бессовестностью платформу правления-управления как манипулирования-подавления публично пропагандируют новоявленные набобы – als ob «властители» вселенских дум, вседержители «особой правды», не переживающие собственную некомпенсированную убогость в одиночку – бывший глава «Майкрософт», нынешний глава «Сбербанка», формальная (функционерная) причастность правящей страте которых никак не сочетается с реальной принадлежностью высокой культуре, морально-этической продвинутости.

Разобранная выше [12] представляющая объективную социальную тенденцию демократизация обмена деятельностью неожиданно стопорится общемировым глобальным испытанием: фазовым переходом к существованию в условиях дефицитно-кризисного мира, предполагающим контингентирование, дисциплинаризацию, т.е., как минимум, рестрикцию демократии.

На Западе (совокупный вестерн) дедемократизации противостоят мощные гражданские традиции в лице здоровой онто- и филогенетики (партийная конкуренция, открытость, эффективность, стабильность институтов, самодостаточность персонального самоощущения, отработанность механизма сдержек и противовесов, высокий уровень жизни и т.д.), блокирующие любое наступление на народовластие.

На Востоке – нечто противоположное в виде закручивания гаек, применения жестких социальных технологий, – курс, вполне вменяемый для перенаселенных борющихся с нуждой, поддерживающих существование жесткой редистрибуцией фактически выключенных из реального производства самоизолированных сообществ.

Запад не испугать ослаблением демократии, Восток – усилением автократии. Проблема в ином. Трудно сохранять хладнокровие при желании высказаться «до конца», но фикс-пункт социо-исторической сложности переживаемого момента – окончательное понимание того, что прогрессирование человечества ставит, но не решает глобальные проблемы. Драматизм в том, что решаются они не культурой, но природой.

Как в животном царстве есть волны жизни, периодические актуализации механизма прорежения популяций, так и в человеческом царстве есть некое подобие такого устройства. Капитальный разрушительный метаморфоз Сатурна – естественно-противоестественное истребление. Дополнительную щекотливость его обсуждению придает неустранимая рациональность выработки судьбоносных (в первую очередь властно-политических) решений, зиждущаяся на расчислении облиго, итожащего: человечество больше теряет от соблюдения противоэпидемической дисциплины, чем от несоблюдения ее. (Ср.: протестные «антипрофилактические» выступления с требованиями изменить карантинные меры в Германии, Франции – европейском гудлендовском ядре.)

В сухом остатке – что же: фатальность детериорации?

Отвергая опробуемую рядом стран (Белоруссия, Швеция, Бразилия) (рациональную?) тактику игнорирования опасности, отметим: в условиях тотальной угрозы деградации Запад склоняется к внутренней мобилизации, Восток – к внешней дисциплинаризации. Что оптимальнее, скоро выяснится. Здесь же, вынося за раму российско-европейский дискурс, озаботимся квалификацией нащупывания Россией собственного пути.

Скверно, когда в воздухе висит безнадежность.

Безнадежное положение животное царство встречает покорностью; человеческое царство – выбором. Какие возможности подлежат сортировке? Генеральная совокупность бедна. Выборка элементов определяется правилом отбора на базе предпочтения лишь одного из

двух компонентов дилеммы: свобода – зависимость. Запад выбирает первое; Восток – второе. Россия намечает допустимость первого за счет второго. Таков анонсируемый властью курс «авторитарной («управляемой») демократии». Неожиданно «свежий» политический оксюморон: открепление за счет прикрепления; избавление за счет подчинения. С точки зрения непредвзятой оценки, весьма оригинальный (если не говорить сильнее) символический образ (подправляя Раневскую) похожего на авоську лица, – авоську, откуда предварительно изъяли продукты.

По видимости, бесцельное движение блестящего, но не греющего изобретательства отмечено целеустремленной динамикой, оттеняемой моментами.

Момент 1. Политическая фразеология комбинирует удобной фигурой «безымянный народ»; американский вариант – «молчаливое большинство»; российский вариант «люди просят». «Большинство», «люди», конечно, востребуют разного. Однако какая же власть когда озабочивалась какими требами? Главное в делах власти – подобострастие, угодливо-покорное, лучше – раболепное отношение в створе приподнятого «все, что у вас есть, – благодаря мне».

По просьбе «людей» приняли новую редакцию Основного закона, *de facto* (в благочинной интерпретации) продляющую несменяемое правление, которое до выявления «народной воли» заявлялось волей правящей элиты. В пробном ключе спрягались формулы «монархическая власть» (глава Крыма) (а *propos*: не монархия как таковая, но монархическая персонификация), «пожизненное правление» (глава Чечни).

Мотивация «прервать ротацию» обусловлена сложившимся между центральным и местным аппаратом комфортным базовым консенсусом «лояльность персонифицированной однополюсной модели властвования в обмен на гарантии». Центр – царствует, места – правят; максимум стабильности, минимум встрясок. Основное – постоянство. Между тем: постоянство – чего? Исключительно власти, дегенерирующей в сторону вотчинного наместничества, насельничества, а не в сторону совершенствования себя как жизнеподдерживающего (востребующего инициативной инновационности) инструмента.

Безбрежное сохранение, как известно, чревато охранением. Свертывание демократического механизма вентиляции элит, будирующей деятельности институтов влечет неминуемую демассовизацию и узурпацию власти, перерождение ее из инстанции обеспечения народных интересов в инстанцию обеспечения интересов коррумпированной автоклавной котерии.

Интенсивная консервация персонифицированной власти опасна в нескольких отношениях.

В отношении отсутствия формализованного регламента передачи полномочий. Бич России и в догосударственном, и в государственном состоянии – удельность, безнравье в т.ч. по части ясно и явно формулированных правил тронопреимства, принципа взаимодействия федерального и регионального управления.

В отношении деструктивной, множащей хаос олигархизации власти – приснопамятный период семибанкирщины, пережитый нами и переживаемый нашими ближайшими соседями – «сокамерниками» по эпохе – Украиной, Молдавией, – странами, едва не превращенными в криминальные олигополии.

В отношении крепости государственности. Время властных перемен для отечественного державного космоса – губительно. Детерминированная формальными методами, казенными процедурами «смена декораций» у кормила правления сообщает предсказуемость, а с ней –

крепость социально-политического устройства, обихожения существования, в идеале независимого от партийно-политических кульбитов. Ничего похожего – в России, государственная судьба которой жестко сращена с судьбой властвования. С данной аномалией, разумеется, надо кончать (в прошлом веке государственность три раза обваливалась от обвалов режимов правления).

Спокойно-уверенное исчисление выгод по необходимости должно определяться учетом качеств не форм власти, равно как обслуживающих их лиц, но форм институтов под углом зрения их работоспособности.

В отношении, как говорил Тренев, «обиды и злобы масс», в наше рациональное время встающих против любого «обожения» агентов власти. Нескрываемое недоброжелательство (от психологической усталости от несменяемости власти) демонстрируется по адресу правителей-небожителей и на Юге (Ливия, Египет, Турция, Йемен, Казахстан, Венесуэла), и на Севере (СССР, Германия, Франция, Испания, Белоруссия). Мудрость власти измеряется не сроком правления, а основательностью, плавностью народоориентированностью курсов, находящих поддержку, продолжение у последователей. Сила правления – не в преемниках, а в преемственности.

В отношении смешения индивидуального (партикулярного) и державного (универсального). Идиосинкразия Буша-младшего, Трампа к Пелоси и *vice versa* не торпедирует взаимодействия ветвей власти. У нас же, начиная с замятни Иван Грозный – Андрей Курбский и кончая противостоянием Ельцин – Хасбулатов, любая конфронтация сановных лиц венчается безмозглым государствоотступничеством. Борьба с оппонентом оборачивается борьбой с порядком (и далее – Отечеством, – вспомним призыв патриота Солженицына после его высылки развернуть крестовый поход Запада на СССР). Конвертация сшибки характеров в сшибку институтов, где каждая сторона в отстаивании правоты идет до «последнего» (не беря во внимание репутационные издержки), – признак неразвитости государственной, общественной организации, призванной через консенсуальные процедуры гасить слепую конфликтность зарвавшихся лиц. Державное (универсальное) никак не может быть заложником персонального (партикулярного).

Момент 2. Диверсификация собственности образовательной базы, мультипликация форм образовательного процесса, стремительная (необратимая) деградация сельского, периферийного обучения (инициировавшая введение ЕГЭ), резко понизив качество подготовки, *ad car-tandum vulgus* способствовали оформлению в стране всеобщего высшего образования. Явления по большей части противоестественного, ненормального. Но позволяющего поддерживать некий относительно сносный средний уровень грамотности, а с ним – субъективной самодостаточности.

Последнее вступает в капитальное противоречие с артикулируемой Гейтсом, Грефом парадигмой «управления-манипулирования», – перефразируя Задорнова, чем тупее образование, тем умнее власть в глазах населения. Почему? Потому что образование – суть статусное формирование личности [8, 13], прививающее «неблагонадежную» способность думать. С позиций блюдущей свои интересы прозорливой власти означенная способность – уже сама по себе, как таковая, «есть опасная операция» (Гофман), а в случае подключения к ней опасных людей, – тем более опасная.

Волю силой не задуть, – говорил Данте. Дабы не применять силу, следует не давать волю. Волю думать, – вольно-думствовать.

Опасливая, недоверчивая власть убивает нерасчетливых зайцев рядом нестандартных комбинаций рамок:

- отмена ОГЭ – для непродолжающих обучение в средней школе (при ранее рассказанной системе среднего специального образования – шаг сомнительный);
- перевод обучения в начальной – средней школе на удаленный принцип, что единственно означает внедрение домашнего образования (восходящие стремления улетучиваются при понимании того, что домашнее образование – роскошь; российская периферия – преимущественно сельские условия жизни – субстанционально не готова к рецепции дистанционности);
- поднятие минимального проходного балла по экзаменационным тестам (истончение социальной основы высшего образования – и это – при наших сильнейших имущественных диспропорциях);
- вакцинация (читай: чипизация) обучающихся (контингентирование).

Человечество исчезнет, когда перестанет удивляться. Jour-fixe утраты такой способности, а значит... подступает и связан он с вполне неудивительным движением власти, как ни больно это сознавать, в сторону полицеизма.

Утверждал Тютчев: «В России канцелярия и казарма»; «все движется около кнута и чина» (причастность новейшей технологической революции имплицитно подразумевает модернизацию «чипа»).

Чего добивается власть? Главным образом двух вещей.

Первое: выпуска угодливых приспособленцев, ведущих подконтрольный – сервильный расчетливо холопский образ жизни.

Второе: окончательной элитизации правления, для которого не могут наступить худшие времена – обязанность объясняться с народом (ср.: ситуации в Белоруссии, Ливане).

Правда, и тут есть предел подмены образования образованщиной, который совершенно неожиданно для себя (не для всех) методом «тыка» обнаружил курский губернатор, прозревший по части интеллектуальных возможностей собственных функционеров: в губернском присутствии крапивное семя уже утратило способность «готовить бумаги».

Извлекая мораль, с позиций Монблана философских рассматриваний, – закрепощение проигрывает раскрепощению; по эффективности, оптимальности, достижительности (ФСК) жесткие влияния не идут ни в какое сравнение с влияниями мягкими, настраивающими мотивационную сферу.

Не власть внешнего принуждения, но власть внутреннего побуждения – духоподъемного, устремительного, замешанного на творческой мобилизации, – порождает особый способ близкого к «року, божественному промыслу» [15, с. 190] повеления, на культивации которого единственно и неоспоримо настаивает философия власти [11].

Момент 3. Некомпенсируемое несовершенство персонификации власти – сужение коридора возможностей, разрушение благодатного инструмента «коллективного разума». Не прошел испытаний опытом упоминаемый Лениным рычаг «роль диктатора», «лучше всех» (в семантике «всех остальных») знающего, как, куда, зачем идти.

Цена ошибки в принятии, проведении (судьбоносных – масштабных, обязывающих) властных решений – колоссальна. (Мельком упомянем непростительное решение о депортации Януковича. Пускай не популярного, но действующего президента Украины требовалось не вывозить, но тормозить в любом пункте сопредельной территории (Донецк, Луганск,

Одесса, Мариуполь...), по его легитимной просьбе, по желанию, оказать военно-политическое содействие... Тогда бы не было абсолютно ненормальной братоубийственной войны, ужасных невосполнимых потерь, неоправданных жертв, горького горя... Тогда бы... Теперь же – зачем нужен проживающий на рублевке Янукович, не способный руководить даже параллельным правительством?) Подвластные, естественно, хотят гарантий, которые властвующие по наитию (допущению «всезнания») представить не могут. Возникает коллизия, снимаемая развертыванием социальной дрессуры с нещадным подавлением несогласных («кто не с нами...»). Неотвратимый финал: вырождение самонадеянной волюнтарной власти в нетерпимую диктатуру (печальная белорусская история).

Не спасает афишируемый неумемным стайером – банкиром-кассиром новомодный элитизм, воссоздающий пороки авторитаризма. Лишь с тем различием, что межвидовая борьба с народом (демос, периэки) дополняется недопускающей интеримов внутривидовой (образующих элитную популяцию особей) борьбой за место под солнцем с использованием статистов из народа.

Избегая комментариев, освежим в памяти демонстративные казусы

- свара в «ордене меченосцев» (вопрос, кто и как правил страной с начала 20-х – годов обострения недуга Ленина – до его кончины в 1924, – в полной мере не прояснен историками. Кто и как правил потом – невзирая на хлесткие характеристики «вождя» более или менее понятно, но неприятно);
- свара в верхах при дележе сталинского наследия;
- многочисленные иезуитские келейные свары в том же месте в разные времена, начиная от десталинизации, дехрущевизации, дебрежневизации, кончая дегорбачевизацией, вплоть до... Возвращенный на трудах Чернышевского проницательный читатель нас понял.

Уши и нос растут при жизни, волосы и имя – после смерти. Не теряющий человеческого облика властитель держит ответ перед

- собой;
- народом;
- Всевышним.

Стезя правды и неправды его ответственна и тяжела, – при продумывании ее не обойтись без боговдохновенной идеи *memento mori*, вводящей, как кодекс самурая, долженствование быть так, словно тебя уже нет.

Момент 4. Неминуемое заболачивание, прокисание оторванной от народа правящей элиты во всех модусах (монархически-олигархически) заявляемого элитизма. Дорывающиеся до власти, наслаждающиеся до упоения причастием к ней агенты номенклатуры – представители, ставленники, назначенцы, нукеры – в итоге не способны ею распорядиться. Не хватает ни полномочий, ни инициативы, ни таланта.

Исполнение малоступенчатой драмы идет по бесхитроственному накатанному сценарию с привлечением фарсовых масок персонажей-гипербол, воплощающих тупость, лизоблюдство, алчность, себялюбие и т.д. И аккурат нелицеприятной развязкой, связанной с уличением в лихоимстве, мздоимстве, казнокрадстве.

«Собрались злодеи, ограбившие народ, – отмечал Толстой, – набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргии, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное» [14, с. 103].

Редкий адепт элиты в России не кончает каталажкой.

Памятуя об этом, Сталин применял метод спорадичной перетряски элиты. Брежнев – метод удостоверения верности коммунистическому строительству. Горбачев – идеалам перестройки. Ельцин – обновлению. Путин – преданности Президенту (отсюда – убийственный вердикт «утрата доверия»). Что в градации современных ролей, характеров, исполнений отвечает порядку «управляемой демократии».

Здесь мы вступаем в опасные воды социально-политической реставрации, подрывающей основные устои наличного инновационного, мобильного, продуктивного мира, – мира, стоящего на столпах: свобода – демократия – участие.

Россия завязла в решении ложной альтернативы: процветание – послушание. В век информационного общества, экономики знаний, инноватики не может быть «процветания» через «послушание». Если принять это за аксиому, следует торопиться налаживать многообещающий долгожданный марш от автократии к демократии, минуя пресловутую, насквозь химеричную стадию «авторитарная демократия».

IV эпицентр (d): конгрегация в силовом, ценностном поле универсализма гудленд. Тайнами не удивить; они есть у всех; «главная тайна: неизвестность того, что будет. Завтра – вот величайшая тайна» [15, с. 420]. Освоением «завтра» как реального обстоятельства (в залоге реалис) занимается оракульство (предрекание, прорицание, пророчество, проскопия) – деятельность профетическая, сакральная, оккультная – паранаучная. Освоением «завтра» как потенциального состояния (в залоге кондиалис) занимается прогностика (футурология, visions, моделирование) – деятельность предсказательная – научная.

Встраивание в трезвый контур последней позволяет выделять вероятные (мега) тренды, в языке геостратегической сценографизации реалий артикулируемые как макеты

- (1) «надконфессиональный символ веры»;
- (2) «справедливый доступ к благам через надправительственную интернациональную редистрибуцию»;
- (3) «прорывные технологии»;
- (4) «безгосударственная всечеловеческая ассоциация – самоуправляемая коммуна»;
- (5) «Ауровилль».

Человек – существо имперфектное, основу своего совершенствования упрочает выработкой идеалов. Там хорошо, где нас нет. Чаемые состояния обозначаются как внетехнологические образные картины – утопические иллюзии, под которые впоследствии подводится операциональная, инструментальная база. Так было и есть с освоением, укрощением стихий, достижением жизненного комфорта.

Сапиент как существо имперфектное способ своего совершенствования фундирует выработкой идеалов. Чаемые состояния вначале вводятся как символические утопии, фантазмагоричные упования, которые когда-то как-то наделяются работоспособной эффективной основой.

Непреходящая роль в ответственном родовом самопрогрессировании принадлежит гудленд, совершившему открытие вселенского масштаба: восходящие антропные преобразования детерминированы упрочением, наращиванием потенциала техногенной цивилизации, обеспечивающим овладение природным богатством.

Вещь в том, однако, что по мере оттачивания, разукрупнения данного потенциала истончилась и истоцилась объективная основа жизнеподдерживающего продуктивного контура:

обозначились пределы роста, тупики хремастики, консьюмеризма в виде оскудения естественной (природа) и искусственной (культура) среды обитания, – катастрофического дефицита духовности, нехватки запасов, сырья.

В стремлении выйти из затруднений решительным санирующим маневром пытливая мысль, напрягая воображение, в качественном (нетехнологичном) залоге предпринимает концепционное моделирование с прицелом развернуть панораму правомерного грядущего. Ворота перспективного программирования реалий открывают искателям возможностей минимум вариантов.

1. Универсализация гудленд как прямая экстраполяция его достижений с фронтальной проекцией на мировую популяцию попросту невозможна ввиду сказанного о глобальной ущербности всеиндустриальной постова – техногнозиса [10].
2. Универсализация гудленд как антигудленд – стратегия преодоления status quo nunc выстраиванием его антипода. В таком контексте возникают проекты демонтажа гудленд в аппарате «отрицание отрицания» – а *maximis ad minima*. Здесь платформы деэтизации, деурбанизации, деиндустриализации, деюридизации. В качестве модельного ухищрения – ходы интересные, – по типу зеркального отражения практикуемого Гюрджиевым «кундабуфера» – оборачивания реалий иллюзиями.

Гоголя упрекали в изображении какого-то особого мира типов, которые никогда не существовали и существовать не могли. Чем занимался Гоголь? Постановкой мысленного эксперимента («Нос», «Невский проспект», «Мертвые души» и др.), обслуживающего обследование посессива. Что дает прием? Гносеологически – дополнение реальности сознанием перспективы ее переустройства. Сверхзадача – преодолеть инерцию, – выйти из тисков старого кроя; – решается она развязыванием продуктивной способности конструирования возможных миров, подготавливающей пересоздание сущего.

Высокая доктрина, правда, пока безуспешно (чувство акрибии обязывает признать это) комбинирует будирующими идеалами предощутительного социального нового, перепрофилирующими гудленд по части всех жизнеустроительных канонов. Бризантный стимул замысливаемых реформ составляет понимание: человечество живет так, как жить нельзя.

Шансы на надежду дает производство «полезных фикций» (Файхингер):

- жизнь движется принуждением, требуется – побуждением;
- жизнь движется природоистреблением, требуется – природоохранением;
- жизнь движется трудом, требуется – творчеством;
- жизнь движется государственностью, требуется – коммунальностью;
- жизнь движется частичностью, требуется – целостностью;
- жизнь движется правом, требуется – правдой. Etc.

Брезжущие прообразы, некие робкие предварения «светлого радостного», что наполняет восторгом движение к совершенному, – первые ростки сверхгудлендовской инноватики в завораживающих починах бахаизма, зеленых колоний-коммун, природоподобной промышленности.

Ненасильственное миросбережение! Оно! Только оно отменяет опробуемый доселе цивилизацией вселенски ущербный способ существования по «Киприям», – способ междоусобной войны, конфессиональных дрязг, внутривидовой бойни, истребления *totus mundus*.

Как жить без самоуничтожения – не очень понятно. Однако же, показывать небо в алмазах, нет ничего прекраснее!

«Религия – это метафизика масс, метафизика – это религия мыслителей», – выдавал хиазм Спиноза. Метафизика как религия мыслителей держится на двух китах: вере (как предприятии спасительном) и прозорливости (как предприятии промыслительном).

Профессиональная метафизика – философия – генерирует утопии, непреходящая ценность которых – духовное предуготовление, окормление, преднастрочная обрисовка возможных состояний сущего с границами важнейших тоновых и цветовых участков принципиальных решений.

«Философия – синоним возвышенного теоретического героизма», – высказывает Ортега. По роду своего исконного призвания философия оправдывает неординарные – судьбические идеалы, представляющие не прямые, как шпалы, *tradita innovare*. Назначение их – подталкивать власть к однопорядковым неординарным преобразовательным действиям. Слово философии – прямое дело: метафизически спасая человека, мир, человека в мире, философия фактически предотвращает то, чтобы власть спасала только себя. Теоретический и он же – жизненный героизм философии – идеалотворчество, заражающее самоуспокоенную, самочинную власть бациллой потребного миротворчества.

«Уходят в будни наши торжества», – итожил Шпаликов. Вдохновляясь философскими легендарными идеалами, машина власти делает религию мыслителей метафизикой масс; торжества мысли переводит в будни жизни, – итожим мы.

Литература

1. Аксаков К. С. *Полн. собр. соч.* М.: Унив. тип., **1889**. Т. 1. 652 с.
2. Бунин И. А. *Жизнь Арсеньева*. М.: Советская Россия, **1982**. 336 с.
3. Достоевский Ф. М. *Полн. собр. соч. в 30 т.* Л.: Наука, **1975**. Т. XIII. 456 с.
4. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 367 с.
5. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: Проспект, **2020**.
6. Ильин В. В. *Мир Globo: Вариант России*. М.: КДУ, **2009**. 255 с.
7. Ильин В. В. *Новый миллениум для России: путь в будущее*. М.: Изд-во Московского университета, **2001**. 223 с.
8. Ильин В. В. Образование в эпоху техногнозиса. // *Вестник МГОУ*. **2020**. №2. С. 134–141.
9. Ильин В. В. *Россия в сообществе мировых цивилизаций*. М.: КДУ, **2009**. 198 с.
10. Ильин В. В. Универсальный конструктивизм – новая философия глобальной цивилизации // *Век глобализации*. **2019**. №4. С. 16–25.
11. Ильин В. В. *Философия власти*. М.: Изд-во МГУ, **1993**. 270 с.
12. Ильин В. В. Философия власти. Ч. I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. №4. С. 211–223.
13. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia Humaniora. Гуманитаристика*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
14. Толстой Л. Н. *Полн. соб. соч. в 90 т.* М.: Художественная литература, **1952**. Т. 49. 308 с.
15. Трифонов Ю. *Время и место*. М.: Известия, **1988**. 571 с.
16. Мосса J. *Elementi di scienza politica*. Bari, **1939**. Vol. 1.
17. Seely G. R. *Expansion of England*. London, **1883**.

Поступила в редакцию 21.09.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.5.1

Philosophy and power. Part II: The finishing of power

© V. V. Ilyin

*National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The classic geopolitical dichotomies tellurocracy-thalassocracy, heartland-rimland are supplemented by the alternative badland-goodland, which fixes civilizational disorder in the first part, and its opposite (civilizational advancement) in the second part. The enrichment of civilizationism and globalism with a new cognitive pair optimizes the philosophical geostrategic modeling of modern realities from the point of view of contrasting territorial zoning, which determines block formation and the formation of fundamental relations of competition and alliance. In the language of sociophilosophical prognostics, the possibilities of capital alliances are evaluated: goodland contra external (marginal allochthons) and internal ("marginal"-autochthons) counterparties; the prospects of global unity are clarified.

Keywords: sovereign self-determination, badland, goodland, block formation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Philosophy and power. Part II: The finishing of power // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 277–296.

References

1. Aksakov K. S. *Poln. sobr. soch. [Complete works]*. Moscow: Univ. tip., 1889. Vol. 1.
2. Bunin I. A. *Zhizn' Arsen'eva [The life of Arseniev]*. Moscow: Sovet-skaya Rossiya, 1982.
3. Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch. v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka, 1975. T. XIII.
4. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [The theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total worldhive]*. Moscow: Prospekt, 2020.
5. Il'in V. V. *Aksiologiya [Axiology]*. Moscow: Prospekt, 2020.
6. Il'in V. V. *Mir Globo: Variant Rossii [Globo world: variant of Russia]*. Moscow: KDU, 2009.
7. Il'in V. V. *Novyi millenium dlya Rossii: put' v budushchee [A new millennium for Russia: path to the future]*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2001.
8. Il'in V. V. *Vestnik MGOU*. 2020. No. 2. Pp. 134–141.
9. Il'in V. V. *Rossiya v soobshchestve mirovykh tsivilizatsii [Russia in the community of world civilizations]*. Moscow: KDU, 2009.
10. Il'in V. V. *Vek globalizatsii*. 2019. No. 4. Pp. 16–25.
11. Il'in V. V. *Filosofiya vlasti [Philosophy of power]*. Moscow: Izd-vo MGU, 1993.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. No. 4. Pp. 211–223.
13. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia Humaniora. Gumanitaristika [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia Humaniora. Studies of liberal arts]*. Moscow: Prospekt, 2019.
14. Tolstoi L. N. *Poln. sob. soch. v 90 t. [Complete works in 90 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1952. Vol. 49.
15. Trifonov Yu. *Vremya i mesto [Time and place]*. Moscow: Izvestiya, 1988.
16. Motta J. *Elementi di scienza politica*. Bari, 1939. Vol. 1.
17. Seely G. R. *Expansion of England*. London, 1883.

Received 21.09.2020.